

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 6
volume 6**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Памяти Вадима Александровича Ромодина

(К десятилетию со дня смерти)

Наука не безлична, и она не могла бы развиваться, не могла бы подниматься с одной ступени на другую, более высокую, если бы не было тех, кто всецело отдает ей, как суженой, сердце свое и свой ум и не щадит себя для ее процветания. К категории именно таких ученых принадлежал и востоковед В. А. Ромодин (1912—1984), крупнейший знаток истории Афганистана и Средней Азии. Ни одно сколько-нибудь серьезное исследование по средневековой и новой истории этих регионов не обходится без ссылки на работы В. А. Ромодина. Однако настоящая статья — не о его научных трудах; нижеследующие строки, так сказать, общий набросок портрета В. А. Ромодина-человека, научные взгляды которого отличались строгой разумностью, а нравственные принципы — безукоризненностью.

Вадим Александрович Ромодин родился двенадцатого числа двенадцатого месяца одна тысяча девятьсот двенадцатого года. Такое вот неожиданное и знаменательное сочетание в судьбе одного человека целых трех дюжин! Он бегал себе, босоногий мальчишка, по пыльным улочкам провинциального тогда Бишкека (Пишпека) и еще знать не знал, что он — из поколения, на жизнь которого уготованы смена эпох и общественных идеалов, тяготы и лишения двух мировых войн, оргия бессудных убийств. Но злой рок, к счастью, обошел стороной лично Вадима Александровича. Хотя в его семье и не обошлось без человеческих потерь, но все же Вадим Александрович вырос на воле, честно отвоевал свое на фронтах Великой Отечественной и остался жив, с отличием окончил МГУ, когда ему было уже далеко за тридцать, посвятил себя науке и до конца дней своих проработал научным сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. За 36 лет научной деятельности он не только успел сделать многое сам, не поступаясь убеждениями, но и научил многому своих учеников, которые ныне живут и работают как в России, так в странах ближнего и дальнего зарубежья, в частности: в Санкт-Петербурге и Алма-Ате, Москве и Бишкеке, в суверенной Армении и Республике Афганистан. В числе тех, с кем Вадим Александрович щедро делился своими знаниями и практическим опытом был и я — его ученик и младший коллега.

У каждого человека, или по крайней мере у многих людей, есть кумир. Расскажу о своем. Для меня это целый кусок жизни, 17 лет любви.

Началось все летом 1967 года. Я, тогда молодой и самоуверенный выпускник кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока Восточного факультета ЛГУ, по совету Сергея Григорьевича Кляшторного направился к Вадиму Александровичу Ромодину — таинственному незнакомцу, чтобы уговорить его дать свое согласие быть моим научным руководителем.

Встретились. Он поразил меня сразу. Я не успел еще понять толком, что же произошло, а этот человек уже проник в меня каждой чертой, запомнился особым очарованием.

Словом, мы познакомились, поговорили-покурили, а потом, потом даже подружились накрепко несмотря на разницу лет.

В наших с Вадимом Александровичем отношениях — *мюрида* и *мюршида* (ученика и научного руководителя), — длившихся короткие 17 лет, нередко бывало так, что во время очередной встречи-беседы он как бы мимоходом, вскользь высказывал выношенную дельную мысль или в ненавязчивой и мягкой манере, особенно свойственной ему, предлагал серьезную тему для исследования. Подаренные Вадимом Александровичем идеи и темы, мне не однажды удавалось воплотить в жизнь в виде статей, докладов или научных сообщений. Многие пока еще остаются нереализованным, но они и поныне помогают мне в моей научной деятельности, ибо практические советы и рекомендации Вадима Александровича всегда отличались дельным характером. Здесь мне хотелось бы поделиться с читателями воспоминанием об одной из великого множества памятных на всю жизнь доверительных бесед со своим Пиром (духовным наставником), память о котором особенно дорога теперь моему сердцу.

Было это в самом конце 60-х годов. Я был аспирантом Вадима Александровича. В одном сборнике, опубликованном тогда в Алма-Ате, появилась статья некоего Жунисбаева, который, используя недостаточную разработанность ранней истории Казахского ханства, обвинил старшее поколение отечественных востоковедов в подтасовке исторических фактов. Это огульное обвинение ученых, чьи имена составляют славу русской и советской исторической науки, как это не парадоксально, было сделано не на основе тщательного, критического изучения источников и объективного анализа имеющихся материалов, а путем одностороннего раздувания фактика, взятого из восточного сочинения, написанного в XVII в. К тому же на проверку оказалось,

что перевод, предлагаемый автором статьи, на основании которого были составлены его обвинения, не соответствует тексту оригинала.

Естественно, что статья, обнаруживающая в ее авторе полное отсутствие научного такта и незнакомство с трудами обвиняемых им почтенных историков, а также указывающая на недостаточное знание методов исторической науки, сильно возмутила и меня. Буквально на одном дыхании я написал рецензию, в которой, как я понимаю теперь, было больше эмоций, нежели здравого смысла. Помнится, я с великим нетерпением ожидал ближайшей субботы — дня обычной нашей с Вадимом Александровичем встречи у него дома по улице Рашетова, 5. Едва дождавшись дня свидания, я помчался к моему Пиру со своими опусами. Он, как это бывало всегда, внимательнейшим образом прочитал мои записки, а затем терпеливо выслушал мою тираду о том, что я думаю об авторе той злостно-клеветнической статьи. И лишь тогда, когда я, весь выговорившись, наконец умолк, слово взял Вадим Александрович. Суть той его беседы со мной сводится к следующему.

Обсуждение спорных вопросов — дело нужное и полезное. Но такое нужное и полезное в принципе научное обсуждение спорных вопросов в отдельных случаях (как, например, в данном) принимает, к сожалению, формы, несовместимые с требованиями строгого научного исследования. Да, всегда были и есть авторы, не утруждающие себя поисками серьезных научных аргументов и склонные к скороспелой заносчивости. Да, научная продукция бывает хорошая или плохая, попадают работы и с дурными претензиями. Но с методологической точки зрения, продолжал Вадим Александрович, абсолютно бесполезных работ не бывает. Добротнo и квалифицированно исполненное исследование не только вносит в науку новое, пополняя наши знания и указывая отправные пункты дальнейших исследований, но и учит, как надо работать. Плохая научная продукция, хотя ничего не вносит и даже дезинформирует общественность, может служить примером того, как не следует работать в науке, приучает к осторожности, к необходимости быть скромным в своих выводах, дает возможность увидеть, как часто необузданно-самоуверенная импровизация ума далека от исторической действительности, от сущности исследуемого явления, события.

Заметьте, в речи Вадима Александровича нет ни слова о том, что следует тут же, немедленно отправить мою рецензию в белокаменную Москву, в редакцию центрального журнала советских востоковедов "Народы Азии и Африки" с рекомендацией опубликовать ее как можно скорее, без проволочек. Такой поступок Учителя, сознаюсь теперь, меня сильно огорчил. Я не оценил полностью, вернее сказать, не

мог оценить тогда назидания Вадима Александровича. И оно понятно: чтобы оценить, нужно понять, понимание же зависит от общего уровня собеседника. Это теперь, спустя вереницу лет, когда у самого седина убелила виски, кажется мне, будто я понимаю своего Учителя и потому могу оценить его по достоинству.

Мы все знаем неизбежное и грустное: жизнь человека конечна и последнюю точку над жизнью ставят ангелы смерти Мункар и Накир. Такова участь всего живого. Но есть все же сила, которая иногда побеждает и смерть. Это память! Она обладает чудотворной способностью возродить человека из крематорного пепла и продлить таким образом на Земле его нефизическую жизнь на года и десятилетия. Память же бывает не только хорошей или плохой, но еще и доброй или злой. Так что иным ушедшим в мир другой не стоит торопиться возрождаться из пепла. Другое дело Вадим Александрович. Память о нем добрая; она даже с некой грустинкой, с горьким комочком сожаления, что его, пронипательного ума и милейшего человека, уже давно нет с нами.

И впрямь, добрая память — вторая жизнь. Лишь стоит мне произнести имя "Вадим Александрович" и закрыть глаза, как тут же, вмиг, на ресницах моих встает светлый образ его. Отчетливо вижу чуть согбенную фигуру своего Учителя, приветливую улыбку на добром лице, лукавый взгляд припухших глаз; слышу его тихий, с легким придыханием голос, ставший теперь неотъемлемой частью памяти моей. Особенно помню его руки: ведь Вадим Александрович всегда здоровался за руку, иногда даже по несколько раз за рабочий день. На мой недоуменный вопрос он отвечал примерно так. Приветствие — дело деликатное, а в любом деликатном деле лучше перебдить, чем недобдить; не поздоровавшись со знакомым человеком хотя бы раз, можно ненароком обидеть иного надолго или даже навсегда. Необычайной мудрости был человек мой Учитель.

Словом, беседа с Вадимом Александровичем обычно начиналась лишь после неперемennого обмена рукопожатием. Что это были за беседы! Всевышний одарил Вадима Александровича счастливой способностью скоро и глубоко вникать в суть дела собеседника, оставлять хорошее впечатление у него в душе и внушать к себе любовь в ходе одной даже беседы. Высокая нравственность Вадима Александровича, соединенная с ответственностью и честностью самой высокой пробы, прямо-таки обезоруживала многих из нашего сообщества. Тогда, при жизни Вадима Александровича, и мне порою казалось, что благородства в его природе больше, чем это нужно обыкновенному человеку. Это теперь, пережив мощные социально-политические потрясения и

переоценку человеческих ценностей, я знаю наверняка, что Вадим Александрович был человеком необыкновенным. Помнится, он и ушел от нас в мир иной, загадочный необыкновенным образом: прямо из нашего академического института, спешно поднявшись вдруг из-за своего письменного стола и на глазах изумленных своих коллег и учеников. Так уводит с собой гонец смерти лишь людей необыкновенных!

Все годы знакомства с Вадимом Александровичем я находился под его обаянием. Наши встречи по научным делам, как уже упоминалось, проходили у него дома, на третьем этаже стандартной ленинградской пятиэтажки. Обычно бывало так. Вадим Александрович и я сидим в небольшой кухне, за маленьким кухонным столиком, на котором остывший чай, и беседуем. Слово "беседуем" употреблено здесь условно. На самом деле чаще всего говорит Вадим Александрович, а я сижу и с напряженным вниманием слушаю, зачарованно глядя на своего Учителя. Теперь, восстанавливая по памяти события тех далеких лет и блаженных дней, я ловлю себя на мысли: а ведь на Вадима Александровича можно было смотреть и слушать его до бесконечности — он никогда не раздражал. Редкостное для ученого мужа качество!

И еще. Сейчас я уверен, что тогда, там, на кухне, Вадим Александрович не просто беседовал со мной, а всякий раз проводил коллоквиум. Судите сами: вот краткий сценарий одной из тогдашних бесед.

Вадим Александрович осторожно, не спеша входит в тему и как бы между прочим спрашивает у меня, что я мог бы сказать, скажем, о вдохновении. Я начинаю лихорадочно вспоминать все читанное, слышанное и, наконец, собравшись духом, лепечу: вдохновение — это... это творческий подъем; в жизни людей умственного труда вдохновение занимает большое место. Делаю паузу. Тяжело дышу. Чувствую: по данной теме сказал все или почти все что знаю. О иншааллах! Вдруг вспоминаю спасительной афоризм, и уже ровным голосом и с нескрываемым удовлетворением говорю: по определению В. Г. Белинского, вдохновение — это внезапное проникновение в истину. Снова делаю паузу. Пытаюсь изобразить на лице улыбку и ею, улыбкою, завершить неожиданную для меня тему. Вадим Александрович все видит, все понимает. Он мило улыбается и, чтобы не усугублять мое положение, опять берет вожжи беседы в свои умелые руки и продолжает ее примерно в таком вот духе.

Короткое и лаконичное определение В. Г. Белинского, подытоживающее главные, существенные черты занимающего нас сегодня слова, право, удобно для пользования. Если дать более развернутое определение понятию вдохновение, как того требует тема нашей сегодняшней беседы, то следовало бы сказать, что вдохновение есть "про-

никновение в истину" в минутном прозрении, но прозрение это — итог долгой и напряженной работы мозга, и оно приходит-де "внезапно" лишь тогда, когда вся мускулатура мысли сведена воедино, а ее энергия направлена своим острием на обдумываемый вопрос. Нередко решение, так мучительно-долго ускользавшее, когда его поиск был вполне осознан, приходит тогда, когда занимавшая нас проблема, казалось бы, забыта и сознание давно заполнено другими заботами. Но и в подобных случаях выражение "внезапно", дескать, условно. На самом деле "внезапное проникновение" и озарение никогда не происходят, если им не предшествовали напряженная работа мозга, настойчивые поиски решения. Причем обдумывание вопроса зачастую происходит скрыто. Дело в том, что человеческая память устроена, мол, так, что она ничего не забывает, и нерешенные вопросы, "забытые" проблемы как бы складываются в отдельных ячейках-депонентах; при этом переработка информации, сосредоточенных в них, осуществляется бессознательно, точнее путем неосознаваемых нервных процессов. Так что "внезапное проникновение" — не есть, мол, подарок милостивой фортуны, но награда за неустанный труд, постоянную целенаправленность.

Затем, после краткого обмена мнениями, разговор переходит к другой теме и ведется примерно по описанному уже сценарию.

Вадим Александрович был человеком великого творческого любопытства. Эта его черта покоряла многих и, конечно, в том числе и меня. Но еще в большей степени Вадим Александрович покорял сердца своих учеников своим строгим, профессиональным, но неизменно высокоуважительным тоном, исключительной по форме своего проявления доброжелательностью к младшему коллеге. Многолетнее тесное общение с этим поистине святым человеком, талантливейшим из наставников убедило меня в том, что общение учителя и ученика результативно не тогда, когда наставник-учитель предстает перед ним этаким всезнающим энциклопедистом, классиком-основоположником, а тогда, как ученик постоянно наблюдает и отчетливо понимает, что преимущество учителя заключается в том, что он старше и добрее, опытнее и профессиональнее, но тем не менее они люди одной крови. Тогда не возникает глухой отчужденности в отношениях или, напротив, раболепной покорности, но не появляется и постзащитного панибратства. Где нет профессионализма, доброжелательности — Учителя тоже нет, а есть лишь руководитель от Администрации. Если благородного Учителя окружают благодарные и верные ученики, то образуется научная школа. А это уже дело серьезное!

Верно говорят: учитель не тот, кто учит, а у кого учатся. У Вадима Александровича было чему поучиться. Вадим Александрович с

Памяти Вадима Александровича Ромодина

его широкой образованностью, удивительной утонченностью и ярко выраженным благородством являлся для меня образцом интеллигента вообще. Мне импонировали его научные взгляды и его нравственные принципы: он исповедовал экстерриториальное единство науки, интернациональное братство ученых; для него было характерно неприятие пошлости и фальши, отрицание насилия и зла. Добрая душа и светлый ум Вадима Александровича всегда были на чеку и тотчас являлись на помощь людям в трудных случаях жизни.

Я любил этого человека со всей нежностью и теплотой, на которые способна моя душа. Память о нем для меня и священна и жива, пока жив я, Турсун Султанов.

Т. И. Султанов